

ЧАСТЬ

11

в этой части...

Матушка Никандра

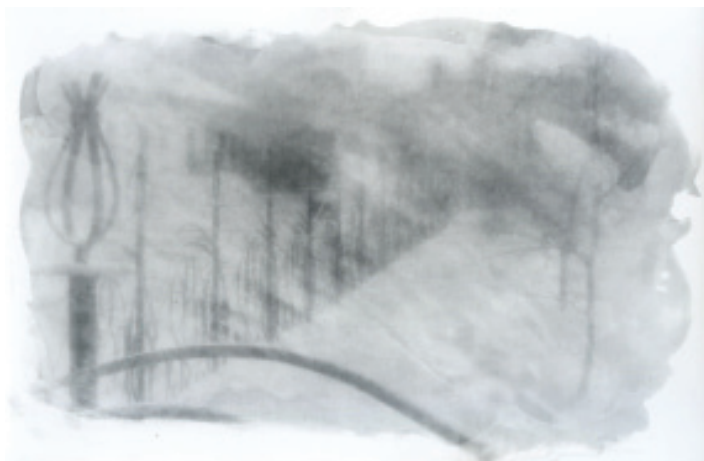
О страдании

Этапы жизни матушки Никандры

Освобождение

Мама! Не умирай!

Горе людское

Матушка Никандра

Пошла за Богом, пострадай за Бога.

Отец матушки, священник Симеон

ще двенадцатилетней девочкой
собралась она в монастырь.

- У меня папа был священник, я
ходила в школу, трех классов не кончила,
у меня были тети в монастырях, две папины, две
мамины, и я к ним съездила, а потом прихожу
домой и говорю:

- Мам! Я уйду в монастырь! – начала рас-
сказ матушка о своей большой и нелегкой жизни.
Мы выслушали, а потом записали...

Ее детство пришлось на начало XX-го века,
устойчивый уклад еще не предвещал той
катастрофы, которая раскидала всю семью по

лагерям, тюрьмам, а многих свела и в могилу.

Хотя на просьбу девочки отец с горестью ответил:

- Ой! Как бесчестно мне будет. Дочь священника, и ушла в монастырь!

- Пап, уйду, уйду в монастырь! – настаивала маленькая Соня.

Спустя почти 90 лет она вспоминала со свойственными ей повторениями, которые иногда делали нас свидетелями ее решимости в том, например, что она, маленькая девочка, а уйдет в монастырь, или удивлялись каким-то раскачиванием мысли в такт своим переживаниям. Но это уже из далеко ушедшего быта христианской теплоты и способа его выражения.

Мама собрала всю свою родню, крестный, крестная пришла. Крестная куклу Наташку из тряпок мне сшила. Я собираю куклу, а самоварчик мне маленький крестная подарила на Софию (в день Ангела), пять стаканчиков и малюсенькая труба была. Я с собой забираю все, меня на лошадь посадили.

День, два живу в монастыре, и матушка игуменья говорит мне: «Соня! Иди, собирай со мной яблочки», а сад большой. Набрали три воза, насыпали, приехали в деревню, я кричу:

«монастырские яблоки, монастырские яблоки!», а мне надавали яйца, картошку... Вот неделю живу и соскучилась, плачу! Идет благочинная и говорит:

- Ты чего плачешь?

- Я домой хочу! К папе, к маме!

Благочинная пошла к матушке игуменнии:

- Девка разливается в саду, - говорит.

А я и куклу свою Наташку бросила.

Матушка игумения покойная: «Царство Небесное, помяни ее Господи!», идет, добрая была:

- Доченька, милая моя Сонюшка, ах ты, золотая моя девочка, ты о чем плачешь-то?

- Матушка, домой хочу!

- Отвезем мы тебя завтра.

- Матушка, а во сколько вы меня отвезете?

- Ты утром позавтракаешь, тогда и собирайся.

Ночь проспала, утром встаю: не хочу никуда! Пошла в сад обратно. А у нас в саду жил ручной и большой ужик, и где моя кукла Наташка спала, там и он спал. Я его гладила, молока наливала, ручной был, старый. Вот так я и осталась.

Прошло время, как-то и папа с мамой ко мне приехали: мама в шляпе сидит, а раньше платья какие были!

- Отец Семен едет! Отец Семен едет! – все кричат.

Я иду грязная, пыльная, плачу, утираюся, на телегу лезу, папу обнимаю, маму целую!

- Пап, я домой поеду, мама, я домой поеду!

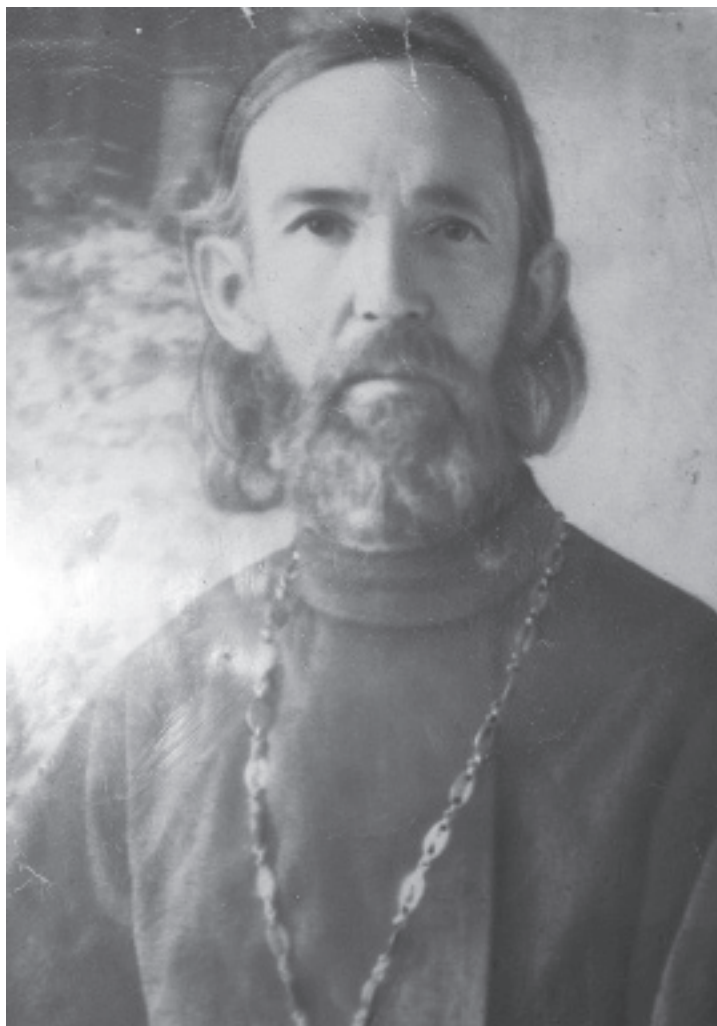
- Ну, поедем, не хочешь, поедем, мы тебе дома келью построим.

А я опять осталась. На второй год меня поставили пастушком, я пасла коров, у нас пятьдесят коров было, я и попривыкла, а на третий год я уже стала пахать, сеять, косить научилась. Матушка игумения, «Царство Небесное», какая добрая была, говорит:

- Отец Семен, какая девочка у тебя

Юная София Покровская, в постриге схимонахиня Никандра.

Благочинный Протоиерей Симеон Покровский,
отец схимонахини Никандры.

хорошая, все послушания исполняет.

Как она меня любила! Благодичная еще как покосоротится, поглядит, а матушка: пошли она меня в огонь, я и в огонь бы пошла!

В 25-м году разорили наш монастырь, я опять пришла в родительский дом, помогала при церкви, а в 30-х годах стали забирать и священство...

На Троицкую субботу, как отошла служба «помянушая», я стала все убирать: все вымела, подсвечники почистила все, сена накосила, березки уставила, закрыла церковь и отношу батюшке ключ.

- Отец Николай, я все убрала, - я тогда уже в мантии была (постригал владыка Филарет).

Мы сидим дома чай пьем, а едет церковный староста.

- Что, Николай Иванович?

- Батюшку твоего забрали.

Мы поехали ночью. А мама говорит:

- Там монашек забирают, как ты так пойдешь?

И меня нарядили в сарафан, в розовую кофту, а коса у меня была здоровенная, вплели розовый бант... Иду к папе. В тюрьме был сторож. Староста пошла узнала, может он пустит? А он говорит: «приходите в 12 часов». Роса была, мы по огородам, на нас были туфельки, все извозились, измочились. Зашли, папа выходит, как он глянул на меня!

Ой, это что? Нет! Пошла за Богом, пострадай за Бога! Снимай, чтобы я больше не видал.

О страдании

Старшему поколению свойственна нераздельность Веры во Христа и принятие страдания ради Христа. «Пошла за Богом, пострадай за Бога»!

И какая неразрешимая загадка для человечества! Последователи Самого Сына Божия, Творца и Спасителя человечества, страдают в тюрьмах и лагерях, в пытках и оскорблениях, ненавидимы «миром сим», почему?

Почему Христос избрал для спасения людей страдание? Разве не мог Он Себя от мук избавить и последователей Своих? Почему нужна была эта Жертва? И тут возникает уточняющий вопрос: «кому принесена Жертва?

• Отцу? Но мы не были у Него в плену, и Он любит нас не меньше, чем и Сын.

• Лукавому? Но это было бы оскорбительно.

• Кому же? Человеку? Да, именно человеку нужно было освятиться человечеством Бога».*

**Григорий Богослов*

И если Жертва совершена во имя любви Бога к человеку, то и человеку, даже в малой степени, лишь только прикоснувшись к этому Откровению, свойственно «не подражать, как говорит Западный мир», потому что этим «вымывается весь внутренний смысл», и человек подражающий остается «непреображенным». Православная Церковь на протяжении всех веков сохранила от Бога данную идею, о которой мы уже говорили в главе «Духовность», идею слияния со

Христом через обожение человека:

Таинственное соединение непостижимой нетварной природы Бога с тварной природой человека - вот для чего была принесена Жертва Сына Божия, чтобы мы природнились Христу, буквально, стали одной крови.

Не просто изображали в себе божественную природу через подражание, что само по себе, невозможно. Но именно сверхмыслимо и таинственно вошли в «преображение Богом человеческой природы через СОЕДИНЕНИЕ».

**В. Мартынов. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. М. Прогресс. Традиция. Русский путь. 2000. Стр. 39*

Во время Литургии (в переводе с греческого: *лейтос* – общее и *эргон* – дело, т.е. общее дело, дело, важное для всех) в таинстве Евхаристии и причащении осуществляется наша причастность Божественной Благодати. И то преобразование, которое через Соединение проникает в нашу природу, возвращает ей царственное достоинство.

Именно оно поражало мучителей, гонителей... И любовь Христова, действующая в страдающих Христа ради, делала их непобедимыми.

Так повсеместно по всей России несли свой тяжелый крест испытаний монашествующие и миряне, «виноватые» перед «ними» только в том, что остались верными Христу. Но в пытках и муках они соткали образ истинного христианина, монаха – мученика, монаха – победителя, входящего во врата райские своею кровию...

Этапы жизни матушки Никандры

Прошло сколько-то времени, забрали и нас, ночью, даже с мамой проститься не дали. И вот пригнали нас, а у меня Евангелие маленькое и молитвенник карманный. Загнали нас в камеру и стали с нас кресты снимать, а у меня крест монастырский, матушка игуменья во время пострига благословила. И стали с нас кресты снимать и отнимать книжечки, а я говорю:

- Я не отдам! Не предам врагам, не отдам!

Тогда накачали в камеру воду по колено, и мы четыре дня стояли, не спали, а стояли четыре дня. Потом погрузили нас на баржу в Рязани. Ой, матушка, даже сердце колет, священники все запели: «Волною морскою...»

Пригнали нас в Кандалакшу, а из Кандалакши идти 80 километров, ночью, мы все ноги свои повредили, сучки корявые, мы все ноги испортили, а им же нас не жалко! Пригнали нас в бараки, бараки тесовые, бараки холодные, а началась зима, дали нам лапти худые, портяночки тонкие, на работу 12 км ходили, в день 24 км. Вечером принесут нам хлеба 300 г, воды ржавой, селедки зеленой. Мы наедемся, пить хотим, зимой хоть снега поесть можно, а летом? На работу идем, увидим какую лужу, языком все вылизем, воды нету...

А пришли с работы, нас под замок, все под замком сидели. Потом такое выдумали: открывают камеру, такая папка, читают:

- Покровская София Семеновна! Высшая мера наказания – к расстрелу.

Выходим, ставят по четыре, мы стоим:

- Все, прощай Божий свет!

Матушка, мы ведь молодые были, ну, такие страсти! И так каждый день целый месяц. А потом мы обозлились. Нас вывели, мы и говорим:

- Ну и убивайте, убивайте сразу! Мы страдаем за Бога!

С тех пор бросили...

Прошел месяц, привели нас вот в такое помещение. Облили со всех сторон керосином и зажгли. Восемьдесят четыре, я восемьдесят пятой была, а там уже горят монашки, а мне не повернуться, платье горит, а я все копошусь, дверь отворилась, я бросилась в озеро, а у меня пузыри от ожога пошли, платье обгорелое...

И подошли ко мне двое, а тут круча такая, глубина, я бы погибла, а они берут меня за ноги, за руки, раскачивают меня бросать, раз осталась я одна живая! А я:

- Николай угодник, спаси меня, Матерь Божия. За что я погибаю, Боже мой!

А они как меня бросили о камни, и знаешь, матушка, как я мучилась, вся спина побилась, болела!

Восемьдесят четыре монашки сгорели: из Михайлова были монашки, из Кадома, нас много сидело...

А утром, с месяц, пожалуй, не прошло, едем мы лес валить, через озеро. Посадили нас в лодочки по тридцать пять человек, а лодочки

маленькие, ветер, волна захлестывает, да как дала нам: матушка игумения утонула, благочинная утонула, 64 человека утонули, я опять одна осталась: я могла плавать. А матушка игумения как тонула, у меня даже сейчас в голове все. Она вынырнет:

- Сестры, детки мои, пчелки мои, спасите меня, - а сама захлебывается, опять вынырнет, а мы ничего не можем, конвой не пускает! Весной было, ветер холодный, две лодки потонули...

Все как сейчас живо перед глазами...

А тут перегнали нас в Мурманск:

Ой, тяжело было, двенадцать лет в бане не мылись, я пришла вот такая, как земля... Вошь была несказанная, а у меня коса – вот как есть в лесу кочки с муравьями, так и у меня вши копошились, и помыть ничего у нас нету. Мы все волосы порезали! В Воркуте на шахте работала... И пришла я с работы, идет женщина, открывает камеру:

- Кто Покровская?

Говорю:

- Я.

- На освобождение.

Освобождение

Нам сразу представляется, сколько радости принесет «освобождение», но горе приумножалось, и много нашлось тех, кто готов был нанести очередные раны «врагу народа», но были и те, кто помогал.

- А мне идти не в чем, у меня ничего нет! Я в чем же пойду-то? У меня ни покрыть, ни платья у

меня нету...

Дали мне ботинки, деревянные подошвы, а я их не тащу, я как пальчик-мизинчик, меня ветром шатало...

До Рузаевки добралась, сижу на вокзале, а там пышки к поезду принесли, яйца. На меня посмотрят: «шпана, шпана!» А у меня слезы льются рекой, а одна мордовка говорит: «чего это ты так плачешь?» Я говорю:

- Я слышу, вы говорите: шпана. А вы спросите: откель ты идешь? Я пятнадцать лет сидела, у меня ни обуться, ни одеться нету...

До Сасова пешком добиралась, ноги-то у меня не идут, я вся грязная, вошь ест меня... Меня женщина одна покормила и говорит:

- Иди в деревню, там храм, а как раз Троицкая суббота, народу много будет.

Пришла, села у входа. Идет староста:

- Ты больно рано пришла.

- Как рано? Я человек проходимый.

- А ты откеле идешь?

- Из заключения.

- А сколько была?

- Пятнадцать лет сидела.

- А чья?

- Вот чья.

Смотрю, идет мордовка, его жена:

- Пойдем, в баньке помою.

- А мне смениться нечем.

- Пойдем, все найдем.

Пошла, у нее умерла мать, нашла рубашку, хорошую, как по мне, платье коричневое,

сатиновое в мельенькие шоринки, платочек мне, тапки, и она меня пошла в бане мыть.

Я говорю:

- У меня вши.

- Ничего, справимся.

Чем-то она меня посыпала, и как пошли они у меня по лицу все... Она взяла гребешок, чесала все в воду, чесала, потом еще налила воды, потом еще посыпала, и опять мыла...

Потом пошли к вечерне, а староста говорит: а Вы читать не можете поминание? Народу много, а читает один батюшка, некому читать.

Так я читала поминание.

- Матушка, а где ночуете?

- А где меня Бог приведет, где Матерь Божия определит, может, в церкви поночую.

- Матушка, пойдем ко мне ночевать.

А он сам только пришел из заключения. Привели меня, а у них трое детей. И вот поужинали, чай попили, а утром пошли в церковь, причастились. Матушка мне платье села шить к Троице, рубашку мне сшила. Я жила у них две недели, картошку мотыжила, лук, огурцы полола, поливала, а все равно надо идти куда-то. Я вышла на горочку, села, заплакала:

- Мамочка! Что же ты не встречаешь меня? Что же, мамочка, меня не ждешь? Кто меня встретит? Кто меня накормит? Кто темной ночью призрит меня?

Наплакалась я, пошла, пришла в свою деревню, а за меня как партейцы взялись, они меня гнали из деревни, как фашиста. Народ даже

заступался за меня:

- Что вы ее гоните? Она здесь прожила всю жизнь.

- Ну, думаю, все мне надоело! Не могу больше жить. Я в коровнике жила. Скотник придет: «Монашка у вас?» Берется за вилы. Думаю, сейчас меня

схимонахиня Никандра, игуменья Ксения.

убьет. Я в сени, в сенях закроюсь, боюсь, сейчас меня заперет вилами...

И пошла я, матушка, в лес. Пошла я в лес и смотрю: пенек, а рядом такая сосна, у нее такие толстые сучки! Я веревку-то затянула, а подняться не осилю, чтобы от земли подняться. Матушка, и вдруг старый дедушка, с посошочком, в скуфие и сумочкой назад.

схимонахиня Никандра в своей келии.

- Доченька, что ты делаешь? Пятнадцать лет вон какую перенесла скорбь и то, а ты в миру всем нужна будешь как...

Смотрю, у меня и от веревочки ничего не осталось!

Среди всех бедствий, какое чудо!

Потом уж я в лесу три месяца сидела, в дупле березы сидела, совсем меня отовсюду уж выгнали: и из коровника, и из свинарника... Три месяца куска хлеба во рту не держала... Поспеет земляника, черника, вот нарву черники, а пить охота, жарко, вот я хожу, найду какое-нибудь растение, сок его попью, так три месяца я на ягодах сидела. А потом ребятишки нашли меня:

- Матушка, ты что! Пойдем, уехал председатель, нету его...

О своей большой и трудной жизни матушка рассказывала светло и, скорее, утешая нас, что хотя мир и «во зле лежит», но помощь Божия, всепобеждающая и веселящая, была с ней все 105 лет ее жизни. На всю жизнь она сохранила верность монашеским обетам, и чего мир ищет и не обретает, желанного долголетия, - матушка приобрела добротой сердца, смирением и благословенной верой во Христа.

Она приезжала в наш монастырь, когда ей было 102 года, и мы записали ее рассказ и выпустили два диска.

Следующий диск готовится, но еще не закончен - рассказ игумении Екатерины (Балвы). Она узнала о нашем монастыре и приехала, и ее первый вопрос был:

Игуменья Екатерина (Бальва), настоятельница
Красноярского Благовещенского женского монастыря.

- Почему Вы, такие молодые, пришли к Богу?
А потом она рассказала о своем пути
и своей страданице маме.

Мама! Не умирай!

Из далекой Сибири матушка игумения приехала к нам зимой. Её не страшат морозы, и душевная внимательность и доброжелательность, как снежинки, поблескивали на лице.

- Я загорелась, что Вы, такая молодая, и пошли к Богу, - объяснила игумения Екатерина цель своего приезда. - Я, допустим, из семьи священника, а вы просто после Университета и приехали сюда. И мне захотелось посмотреть, кто вы, и почему не побоялись ничего и никого, и пришли в монастырь.

Эти слова: «вы никого не побоялись, а пошли в монастырь», прозвучали для нас с особой силой, когда мы узнали о всех страданиях и гонениях, которые пережила ее мать, первоначально – жена священника, родившая семерых детей, а после расстрела мужа – истаявшая в трудах и слезах, великая страданица.

- Я родилась в селе Васильевке Юргинского района Новосибирской области. У нас в семье было четыре священника:

папа мой, отец Александр, служил в Васильевке;

дедушка мой, отец Иоанн, - протоиерей, служил в Либаровске;

папин родной брат - отец Василий, служил

Семья будущей игумении Екатерины.

в Томске,

и еще один брат - отец Николай, служил в Коураки, когда зверски убили его жену, принял монашество с именем Иннокентий.

В 1933-ем году папу обвинили, ложно

обвинили. Посадили дедушку и бабушку в тюрьму, они три месяца просидели, потом отпустили. В 37-ом году опять арестовали и папу и дедушку. Через полтора месяца их расстреляли, а мы не знали, все думали, что они в тюрьме сидят, только не знали, где.

Нам предложили немедленно уехать. Мама взяла всех детей, 7 детей папиных и двоих брата: 8 парней и одна девочка – это я, погрузила на подводу, а жили мы бедно, и поехала в Юргу.

Когда устроилась на работу, то после работы каждый день ее ждал милиционер. До позднего вечера он говорил всякие гадости про отца: «вот какие священники, каких хороших женщин себе в жены берут», а мама должна была сидеть и слушать. Мы, дети, выглянем: не идет ли мама, все сидим дома и ждем. Мама возвращается поздно, уставшая – а мы радуемся: мама вернулась, маму не посадили!

Год мы прожили в Юрге, потом маму вызвали в милицию и сказали: уезжай отсюда. Куда мама не спросит, говорят: нельзя. Мама горюет: куда ехать? Люди добрые подсказали, и мы поехали в Красноярский край.

Когда мы приехали, на вокзале одна женщина сказала:

- Ой, тетка, куда ты вышла с такой кучей детей, ехала бы в Черногорск, там шахты, заработаешь, хлеба дают по килограмму в день.

Мама посадила нас на поезд, но как поезд тронулся, сама она со старшим братом не успела. Рвет на себе волосы, переживает, плачет. Пошла

к начальнику, сказала, что от поезда отстала, и он помог. Железнодорожники нас встретили, с поезда сняли и на вокзале оставили. Пришла какая-то женщина, картошек нам наварила, хлеба не было, по карточкам выдавали, и мы стали маму ждать. Мама приехала, а идти нам некуда, и мы целую неделю прожили на станции.

Надо на работу устраиваться, а на работу маму не принимали: как скажет, что восемь человек детей, так и не берут. Наконец, приняли на работу в шахту и дали комнатку девять квадратов, и мы все были рады.

Потом мама, работая в шахте, не доедала. Хлеба ей по килограмму давали, а нам по 400 г, а детишки уже большенькие, все растут, есть очень хотелось, и она кусочек хлеба нам оставляла. Мы же не понимали, что она голодная остается, а она очень ослабла. И когда в шахте случилась авария, в шахтах случаются и мелкие аварии, ее крючком за телогрейку подцепило, а телогрейка вся рваная была, и она упала в штрек головой и потеряла сознание. Подошел мастер, спрашивает:

- Сколько у нее детей?

- Большая куча: восемь.

Тогда маму забрали в больницу, детей распределили, кого в детский дом, кого в семьи забрали, а как мама выздоровела, всех собрала. Мама детей никому не отдала. Опять стала работать.

Как-то мама заболела сильно-сильно, это была малярия, и ее положили в больницу. Мы ходили, проводывали. Однажды приходим в больницу навестить маму, а женщина сказала, что

в той палате, где мама лежала, ее нет:

- Вашу мать положили в мертвецкую, там она умирает.

Мы спросили:

- Куда идти?

- А вон там, окна замазанные.

Мы как подошли все, как закричали:

- Ма-ма, не у-ми-рай! Мама, не умирай!

На кого ты нас оставила?

Когда мы так закричали сильным криком, от нашего крика мама очнулась, и, наверное, в этот момент попросила:

- Господи, сохрани мне жизнь, как же я детей оставлю!

И сыну маленькому Тарасу сказала:

- Принеси мне квасу и кусочек хлеба.

И она стала поправляться. Поправилась снова. Она все время была мученицей.

Горе людское

Немного мы в Черногорске прожили, началась война. Старших братьев взяли на фронт.

Один брат - Зенон, отца Иннокентия сын, в первый день войны погиб. Он был летчиком. Так получилось, что не мы его учили, у нас школа была до 4-х классов. На станции Болотная жила его родная бабушка, и там школа была для старших классов.

И когда он поехал в ту школу, она ему и сказала,

что мама ему не родная. Он думал, что мы все - одной матери. А как бабушка ему все сказала - то он решил от нас уехать. Жил у бабушки, а потом доучился на летчика.

В первый день войны ему оторвало ногу, и он стал искать маму. А нас уже выселили оттуда, и пока он искал, пока письмо доходило, то пришло в Черногорск очень поздно. И мама не успела бы его найти. А он писал: «Мама, мне Вас очень нужно найти», видно, хотел прощения попросить.

Второй приемный сын - Иван - умер лет в девятнадцать. Еще в детстве он грудную клетку сломал, а в деревне жили - больниц тогда таких не было, и он рос, а косточки неправильно срослись, и он умер от туберкулеза.

Когда братьев взяли на фронт, мы о стались беспомощные. Но это еще мало такого горя.

Голодно было, жили трудно. Картошка не уродилась, а хлеб был дорогой. Хлеб был 100 рублей за килограмм, и картошка 100 рублей за ведро. А мама зарабатывала 100 р. в месяц, т.е. за месяц можно было купить ведро картошки.

И мы ходили по полям и собирали старую картошку и прямо пекли на плите лепешки. Однажды два младшие брата, одному 7 лет, а второму 9, Паисий и Алфей, пошли за картошкой, зашли на зеленку, а в это время проходил объезжий, а он взял, да и отобрал у них телогрейки. Они испугались, побежали и заблудились. Сели на электричку и вместо Черногорска попали в

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА
Кемеровской области

65007, Кемерово,
ул. Красная, 24.

655158, Республика Хакасия,
г. Черногорск,
ул. Чапаева, 37-114,

Бальые Е.А.

№ 09.01 м. 13-1869-95

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. Бальые Елена Александровна

(фамилия, имя, отчество)

родившийся(аяся) 1927 г., с. Васильевск, Юргинского района
Кемеровской области

(дата и место рождения заявителя)

по заключению прокуратуры Кемеровской области

от 17.04.96. на основании ст. 2-1 Закона Российской Федерации

«О реабилитации жертв политических репрессий» признан (а)
пострадавшим (ей) от политических репрессий.

В соответствии со ст.1-1 указанного Закона и определением Конституционного
Суда Российской Федерации от 18.04.2000 г. № 103-О

Бальые Елена Александровна

(фамилия, имя, отчество заявителя)

как оставшийся (аяся) в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца,
(отца, матери)

Бальые Александра Ивановича

необоснованно репрессированного (ой) по политическим мотивам, признан (а)
подвергшимся (ейся) политической репрессии и реабилитирован (а).

Заместитель прокурора области

старший советник юстиции

Б.П.Филленко

Абакан. Ходят по перрону, люди подумали, что они от поезда отстали, и их взяли в поезд, что шел на фронт. В поезде спрашивают: «Чьи дети?»

Никто не признается, тогда их ссадили и отправили в детский дом.

Мама переживала, 10 месяцев их не было, и она не спала день и ночь. Она не знала, что папу расстреляли через 1,5 месяца, и думала:

- Что я отцу скажу, когда спросит, что ж ты не сохранила моих детей?

А какие люди злые, придут, да еще и скажут: вот там, в овраге, нашли двух детей, скрюченные лежат, померли. Мама туда, а бежать девять километров, придет, а там нет никого. А то скажут: вон, за 20 км, там они, мама туда. Потом детей привезли.

Без горя она не жила! Она столько пережила, столько плакала!

На фронте одного убило, другого ранило, один сам умер. Когда с фронта пришли, все хорошо, можно было бы жить. Одно желание было: раз мы были бедные, все думали: быстрее бы заработать, маму накормить, и одеть хорошо, и самим одеться.

И вот один брат, Паисий, служил в авиации, и после армии на Диксоне летчиком был, там женился, и так соскучился и решил: поеду, маму проведаю. Взял отпуск и приехал. 11 дней пожил, решил помочь: кирпич повез через Енисей с другом. И опять маме горе: не рассчитали, лодку перегрузили и... оба утонули. Такое было горе маме.

Потом сама мама заболела, она старенькая уже была, где-то запнулась, упала, шейку

бедра сломала и пролежала 8 лет. Ей было очень тяжело. Однажды папа пришел (в видении) и сказал:

- Потерпи маленько, мученица ты моя, тебе немного осталось.

И видит мама во сне: луг большой, на лугу цветов много. Приходит она в церковь. Встала на клирос, а мама всю Литургию наизусть знала. Голос у нее был хороший. Стоит она и смотрит. Входит отец Иннокентий, перекрестился, поклонился, взял свечку, только хотел в алтарь зайти, а мама просит:

- Отец Иннокентий, благослови.

- Люба, когда ты пришла?

- Сегодня.

- Ну, хорошо, мы тебя давно ждем, мы все здесь.

Маму похоронили мы хорошо. Все братья несли ее на руках.

У ней косточки,
как через тонкую бумагу,
все были видны.

И сколько таких страдалиц было на Руси!
И сколько слез пролили они, умея
любить, сострадать и воспитывать своих детей.

Так закончила свой рассказ игумения
Екатерина*. О себе она сказала только, что
получила образование, потом выходила замуж,
но, похоронив сына своего, Федора, ушла в мо-
настырь. И что мать несла вынужденно (нищету
и страдания), в силу горьких обстоятельств, она,
добившись всего в мире сем, отинула: и

богатство, и социальное признание, как
слишком маловажное для своего
внутреннего осуществления,
и приняла как основу служения –
добровольную нищету
Христа ради и
молитву
о всем мире.

**Игуменья Екатерина (Бальва),
настоятельница Красноярского Благовещенского
женского монастыря*

